

## ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ФЕДОРОВА, Григория Федоровича,от 30 декабря 1934 года

(дополнительно)

ВОПРОС: На Вашем допросе от 21/ХП-34 г. Вы показывали о том, что от ЗИНОВЬЕВА шла установка: "В партию надо входить во что бы то ни стало, в партии надо сохранить оппозиционные кадры на случай дальнейших разногласий с партией". Расскажите об этом подробнее?

ОТВЕТ: Контр-революционная сущность зиновьевско-троцкистской организации определилась еще задолго до 15-го с"езда, когда она (организация) растоптала рамки устава партии и прибегла к методам борьбы, заимствованным из арсенала отъявленной фашистской сволочи.

Вожди этой контрреволюционной организации - ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и ТРОЦКИЙ не только с подлым цинизмом покрывали эти методы борьбы, но и сами способствовали их внедрению в борьбе с партией.

На 15-м с"езде партии, оппозиция применила новое отравленное оружие; этот метод массового обмана, метод двурушничества. Этот гнусный метод довольно широко практиковался и во все последующие после ХУ с"езда годы борьбы организации с партией. Заявление с"езду о нашем подчинении и с просьбой принять нас обратно в партию, которое было написано ЗИНОВЬЕВЫМ, было настолько двурушническим и так явно пыталось обмануть партию, что из всех оппозиционеров, присутствовавших на совещании на квартире ЗИНОВЬЕВА не нашлось ни одного, кто бы сразу решился подписать этот двурушнический документ, насквозь пропитанный ложью и обманом.

Как видно в то время партийная совесть еще не совсем была потеряна у ряда оппозиционеров. Нам предстояло сказать с"езду партии, что мы разделяем все его решения, тогда как на самом деле, именно с его то решениями, мы и не были согласны.

Тогда на этом же совещании, которое происходило в последний день 15-го с"езда, ЗИНОВЬЕВ заявил, что "или мы подписываем это заявление и тогда есть надежда на то, что мы останемся в партии, или мы не подписываем заявление, остаемся при чистоте наших принципов, но тогда мы окажемся за бортом партии". На это ЛАШЕВИЧ заявил: "Вы-вожди, Вы и подписывайте и если Вы находите, что это нужно, тогда подпишем и мы".

ЗИНОВЬЕВ первым подписал это заявление. За ним ЛАШЕВИЧ, а затем и все остальные присутствующие. На этом совещании были: ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЛАШЕВИЧ, ЕВДОКИМОВ, ХАРИТОНОВ, БАКАЕВ, ШАРОВ, НАУМОВ, ГЕССЕН, КУКЛИН, ЗАЛУЦКИЙ, ГЕРТИК и я. Кто был еще я не помню. Таким образом, на этом совещании было положено начало организованному двурушничеству и обману партии.

Когда с"езд предложил всем желающим вернуться в партию, подавать индивидуальные заявления, то сделать это было уже легче, так как это был уже второй обман партии. После окончания с"езда партии перед оппозицией встал вопрос о том, как быть дальше. По этому вопросу на квартире у ЗИНОВЬЕВА вновь было созвано совещание, где в основном присутствовали те же, что и на первом совещании.

На этом совещании были приняты следующие решения:

1/ Всю организацию оппозиции сохранить;

2/ сохранить связи с местами, установив "дружескую" переписку. Связь с местами возложить на ГЕРТИКА, НАУМОВА и ХАРИТОНОВА;

3/ совещаний не созывать, а ограничиться "товарищескими" встречами;

4/ всех не подавших заявление о вступлении в партию постараться уговорить это сделать;

5/ раз"яснить всем членам оппозиции, что задачей сегодняшнего дня является всеми средствами оставаться в партии.

Затем, на этом совещании, ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ были сделаны информационные доклады. Основной смысл их докладов сводился к тому, что вопросы хозяйственной и политической жизни страны - с"ездом не решены. С"езд больше занимался оппозицией, чем вопросами хозяйственно-политической жизни страны, которые нужно было решить на этом с"езде. Общий вывод докладов ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА был таков: надвигаются хозяйственные затруднения, с которыми нынешнему руководству не справиться. Следовательно, нужно быть готовым к новым осложнениям внутри партии. Сплоченная оппозиция должна сыграть роль фактора, выправляющего политику партии и мешающего партии в ее повороте направо.

Примерно, с этими установками мы и раз"ехались на места. В частности, я был послан на работу в Харьков. Моя деятельность в Харькове для следствия не представляет существенного интереса, хотя я и проработал там более полутора лет. Оппозиционеров в Харькове не было ни одного, следовательно, и передавать привезенные мною

установки - мне было некому.

В Харькове в 1928 г. я получил два или три письма от ЗИНОВЬЕВА, в которых он просил меня присылать ему информацию о положении дел на Украине. Особенно ЗИНОВЬЕВ интересовался вопросами сева и настроениями рабочих.

По просьбе ЗИНОВЬЕВА я выписал ему одну из Харьковских газет. Материалы, которые я имел в виде вырезок и заметок, во время моих приездов в Москву в том же 1928г., я обычно передавал секретарю ЗИНОВЬЕВА - БОГДАНУ, который и отправлял их в Калугу.

В один из приездов в Москву, летом 1928 г., я, согласно просьбы ЗИНОВЬЕВА, вместе с П. ЗАЛУЦКИМ ездил в Калугу. Там помимо общей взаимной информации, состоялся обмен мнений по текущим политическим вопросам. Основным существенным вопросом, который обсуждался - это был вопрос о разногласиях в Политбюро. Выводы не делались, т.к. было решено, что еще не все ясно и надо посмотреть во что это выльется дальше. Вечером было получено сообщение о смерти ЛАШЕВИЧА, что прекратило дальнейшие разговоры, ЗИНОВЬЕВ ушел писать некролог, а мы с ЗАЛУЦКИМ стали собираться в Москву.

До отъезда еще обменялись мнениями относительно похорон ЛАШЕВИЧА. Решили просить разрешения привезти тело ЛАШЕВИЧА в Москву.

Одновременно тут же на совещании, где присутствовали: ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЗАЛУЦКИЙ и я было решено, что на похороны ЛАШЕВИЧА нужно, по возможности, привлечь наибольшее количество оппозиционеров, с которыми намечалось провести ряд информационных совещаний. Привезти тело

ЛАШЕВИЧА в Москву - нам не разрешили и из этой затеи ничего не вышло.

Во время своих командировок в Москву в 1928-29 г.г. я встречал, почти, всех бывших оппозиционеров, как живущих в Москве, так и тех кто одновременно со мною приезжали в Москву. Происходило это следующим образом: стоило зайти на квартиру к НАУМОВУ или ГЕРТИКУ и там, бывало, увидишь почти весь наличный состав оппозиционеров в Москве. Постоянными штаб-квартирами в Москве, как по собиранию, так и распространению различных слухов, были эти квартиры. Здесь сосредотачивалась и вся иногородняя информация и здесь происходили, почти, перманентные совещания зиновьевско-троцкистской организации. Вот на эти квартиры приходил и я, где и получал "свежую" информацию. Внешно, это были товарищеские встречи; был чай, а иногда, даже и вино. Но существо этих встреч заключалось в том, чтобы взаимно проинформировать друг друга и выработать единую тактическую линию по всем основным политическим вопросам. Я не помню такие встречи, где бы не обсуждались политические вопросы и не давалось бы этим вопросам соответствующая антипартийная оценка. Особенно большую роль эти квартиры играли для поддержания связей с оппозиционными группами, работающими в других городах. Насколько мне известно, связь поддерживалась личная и путем переписки. Технику этой связи я не знаю, так как сам был на положении "представителя с места".

Так было до приезда главных антипартийных деятелей - ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА из Калуги. С их приездом антипартийная деятельность значительно расширилась, так как и их квартиры стали местами сборищ организации.

Вместе с тем поднялась и "квалификация" собраний.

Стали обсуждаться не только "слушки" и сплетни, но и основные вопросы политики партии. ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ подняли все вопросы на "принципиальную" высоту и придали этим обсуждениям явно контрреволюционный характер.

Темой собраний стали такие вопросы, как вопрос об индустриализации, коллективизации, о внутрипартийном режиме, вопросы Коминтерна и т.д.. Везде выискивались теневые стороны для того, чтобы на этом основании бросить обвинение руководству партии в неспособности, без ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, справиться со стоящими перед страной и партией задачами.

Особенное место в этих обвинениях уделялось т. СТАЛИНУ, который, как это вытекало из обсуждений, был виновен во всем.

На всех совещаниях нашей организации, обычно присутствовали: ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, ХАРИТОНОВ, БАКАЕВ, ШАРОВ, КУЗЛИН, ЗАЛУЦКИЙ, ГЕССЕН, ГЕРТИК, НАУМОВ, ГОРШЕНИН, БОГДАН, ЕЛЬКОВИЧ, РАВИЧ Ольга, ПЕРИМОВ, ОЛЬХОВСКИЙ и ряд других, которые я сейчас не помню. На совещаниях, на которых я присутствовал, обычно, бывали в разных составах перечисленные выше лица.

По существу эти гнезда оппозиции, уже тогда являлись активными ячейками контрреволюционной организации. Приходится пожалеть, что партия долго терпела эти очаги контрреволюции.

ВОПРОС:

В Вашем показании от 19/ХП-34г. Вы показываете, что на ряде совещаний обсуждался вопрос о блоке с правыми. Расскажите все известные Вам факты о заключении блока между Вашей организацией и правыми.

ОТВЕТ: В один из приездов в Москву в 1929 г. я был на квартире ЗИНОВЬЕВА, там узнал о том, что разногласия в ЦК стали фактом, что новую оппозицию возглавляют: БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ и УГЛАНОВ, что эта оппозиция имеет большие связи и опору внутри партии. Назывались организации: московская, ленинградская и др., где значительная часть актива стоит на точке зрения новой оппозиции.

Обсуждение, в котором участвовал ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и я (был ли еще кто либо - я сейчас не помню) шло вокруг вопроса; насколько эта новая оппозиция серьезна; каковы ее шансы на успех в случае открытого выступления; как отнестись к ней нашей организации; можно ли ставить ставку на эту оппозицию, несмотря на существующие с ней разногласия по ряду вопросов. Самое основное в нашем обсуждении - это был вопрос о том: можно ли в блоке с новой оппозицией победить СТАЛИНА. Вся сумма этих вопросов была перенесена на обсуждение штаб-квартир, к НАУМОВУ и ГЕРТИКУ. Я хорошо помню, что эти вопросы усиленно обсуждались при всех встречах. Появление правой оппозиции, внесло чрезвычайно сильное оживление в ряды уже начавшей разлагаться зиновьевско-троцкистской организации и в этой среде в связи с появлением правой оппозиции стали оживать твердые надежды на ближайший реванш.

В блоке с правыми все члены организации, а в особенности ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ видели возможность соединенными усилиями правых и нашей организации - принудить руководство ВКП(б) ввести в Политбюро ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

Во время обсуждения вопроса о возможности соглашения с правыми в организации стали вырабатываться ряд требований к правым. Одно из этих требований заключа-

лось в том, что правые не дожидаясь окончательного соглашения с нами должны выступить с предложением о введении ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА в состав Политбюро. Следующее требование было: уточнение программы ближайших совместных действий после заключения блока.

Наряду с тем, что вопрос о блоке с правыми внес такое большое оживление в среду оппозиционеров, этот же вопрос внес также и некоторое расслоение.

Среди части оппозиционеров, предложение о блоке с правыми не встретило сочувствия. Основные возражения против блока сводились к тому, что невозможно будет об"яснить даже своим сторонникам, почему только вчера мы шли с ТРОЦКИМ, а сегодня идем с БУХАРИНЫМ, правые высказывания которого и борьба с ними хорошо известны всей партии.

Помнится, в числе возражающих были: НАУМОВ, ЗАЛУЦКИЙ и я. Во всяком случае, возражения против блока связало руки ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВУ и помешало им пойти на новую авантюру.

В следующий мой приезд в Москву в том же 1929 году я узнал, что переговоры о блоке все еще не прекращаются и что КАМЕНЕВ виделся с БУХАРИНЫМ, но что о блоке так и не договорились.

По вопросу о заключении блока между нашей организацией и правыми произошла беседа между ЗИНОВЬЕВЫМ и ТОМСКИМ, во время которой и я присутствовал.

Произошло это следующим образом:

В конце 1929 года я и ЗИНОВЬЕВ в одно и то же время жили в Сочи, на Циковской даче. Как то ЗИНОВЬЕВ меня предупредил о том, что на соседнюю дачу приехал ТОМСКИЙ, с которым возможен разговор по вопросу о блоке. Далее,

ЗИНОВЬЕВ указал, что надо заранее решить как себя держать и какой ответ дать ТОМСКОМУ. ЗИНОВЬЕВ высказал предположение, что после провала беседы БУХАРИНА и КАМЕНЕВА правые озлоблены на нашу организацию, и, что ТОМСКИЙ, возможно, и не будет разговаривать на эту тему.

Мною и ЗИНОВЬЕВЫМ во время беседы было решено: если ТОМСКИЙ начнет разговор о возможности блока, то разговор поддержать, в процессе разговора проинформироваться о настроениях правых и их намерениях; со своей стороны от ответа по вопросу о заключении блока - уклониться и указать, что этот вопрос будет решен в Москве.

Через несколько дней беседа между ЗИНОВЬЕВЫМ и ТОМСКИМ состоялась на берегу моря у Циковской дачи. Кроме ЗИНОВЬЕВА и ТОМСКОГО, при этой беседе присутствовали: ШМИДТ, Василий, УГАРОВ Федор и я.

ТОМСКИЙ начал беседу с того, что он не будет упрекать ЗИНОВЬЕВА за то, что произошел провал беседы БУХАРИНА и КАМЕНЕВА, что он, ТОМСКИЙ, считает затягивание заключения блока с правыми большой ошибкой со стороны нашей организации, что сил у правых вполне достаточно, чтобы эти силы противопоставить СТАЛИНУ, что накопление этих сил идет вполне успешно, что правые в ближайшее время дадут бой Центральному Комитету ВКП(б), что к этому времени было бы весьма желательно об"единение сил правой оппозиции и нашей организации и выступление обоих этих организаций единым фронтом против Центрального Комитета партии.

Во время беседы ЗИНОВЬЕВ занял неопределенную позицию. ЗИНОВЬЕВ сказал ТОМСКОМУ, что дать ответ по вопросу о заключении блока с правыми - он сейчас не

может, что этот вопрос будет решен в Москве, что делать какие либо заявления он не уполномочен и, что о встрече с ТОМСКИМ и о разговоре с ним он (ЗИНОВЬЕВ) сообщит в Москве своим единомышленникам.

В конце беседы ТОМСКИЙ предложил установить взаимную информацию между правыми и нашей организацией. ЗИНОВЬЕВ на это согласился. По вопросу о заключении блока ТОМСКИЙ заявил: "Что же касается Вашего выступления, то Вы решайте его по мере развития событий. Если придете к какому либо решению, то пусть ФЕДОРОВ Гриша зайдет и об этом сообщит".

Развитие событий, как известно, закончилось полным разгромом правых. Были ли еще какие либо переговоры и встречи между правыми и представителями нашей организации - мне неизвестно.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано.

ФЕДОРОВ

ДОПРОСИЛ: НАЧ 3 ОТД ЭКО ГУБ НКВД СССР - ЧЕРТОК

Верно:

